

АСКОЛЬД БАЖАНОВ

А
С
К
О
Л
Д
Б
А
Ж
А
Н
О
В

А
С
К
О
Л
Д
Б
А
Ж
А
Н
О
В

Аскольд БАЖАНОВ

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Мурманск
2007

ББК 84 (2Рос = Рус) 6 – 4
Б 16

*Книга издана при содействии
Правительства Мурманской области
и
государственного областного учреждения
«Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера»
в рамках региональной целевой программы «Экономическое и социальное
развитие коренных малочисленных народов севера Мурманской области»
на 2006–2008 годы*

Б 16 **Бажанов А.**
Белый олень / Аскольд Бажанов. – Мурманск: Север, 2007. – 40 с.

Предлагаемая читателю повесть саамского поэта и писателя Аскольда Бажанова является продолжением его работ на тему судьбы Кольского края и жизни оленевода в тундре. Это светлое произведение о молодом оленеводе, его мечтах и любви к заполярной природе, о преданности своему делу.

Автор стремится донести до читателя мысли и чувства, выражая их в своих стихах, в легендах и мифах саамского народа. В его работе удивительным образом смешивается быль и предание, суровая повседневность и ожидание чуда.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся жизнью и творчеством народа саами, и придется по душе всем, кто очарован красотой Севера.

ББК 84 (2Рос = Рус) 6 – 4

© А. Бажанов, 2007.

1.

Данилка

ДАНИЛКА так и не справился с охватившим его перед заездом волнением. Ничего не слышал и не видел, кроме стартового флажка, боясь пропустить предназначенный только для него – этот короткий, но властный приказ. Медленно тянулись секунды. Но вот – алый взмах! Данилка срывается с места и некоторое время еще бежит на лыжах сам. Лямка становится упругой, и почувствовав быструю силу оленя, Данилка пошире расставляет ноги.

Э-эй! Бег все стремительней, встречный ветер упруге, больно бьют по лицу комья снега, выхваченные копытами Беняка. Разгон взят. Через сотни метров волнение улеглось. И нет отдельно Данилки и Белого оленя – только одно стремительное движение! Флажок – поворот на дистанции. Яснее, ближе.

«Как-то поведет себя Беяк», – думает Данилка, и чуть-чуть натягивает на себя игну. Беяк в ответ делает движение головой, Данилка сильнее берет на себя игну. Беяк почти не сбавляет темпа и, выгнув красивую шею влево, вписывается в широкий полукруг.

Данилка наклоняется, ставит лыжи ребром, сильнее пригибается, чтобы не упасть, не выйти из виража, укатан-

ного гонщиками, перебирает ногами. Правая лыжа вдруг вонзается в яму, оставленную чьим-то падением. Данилка, балансируя на левой, вытаскивает правую лыжу, она становится поперек. Он резко подняв вверх правую ногу, хлопком ставит ее на лыжню, рядом с левой, отметив про себя, что поворот благополучно пройден. Самое трудное позади, теперь надо добиться предельной скорости.

Э-эй! Беляк, как бы поняв, что от него требуется, переходит на галоп. Данилка едва удерживается на ногах, низко приседает, выровнявшись, снова приподнимается, вскидывает руки вверх, потрясая ими в воздухе, подбадривая и оленя и себя отчаянным криком: «Э-э-эй!». Скорость. Только бы удержаться на ногах, уже виден створ финиша, по обеим сторонам которого живой изгородью расположились нетерпеливые болельщики.

«Не испугает ли пестро одетая толпа моего Беляка?» Белый олень настораживается, выше поднимает голову, и кажется, вот-вот метнется в сторону, темп бега спадает. Данилка еще раз вскидывает руками над собой и призывно кричит: «Э-х!».

Расстояние между ним и финишным коридором быстро сокращается, еще мгновение... Данилка накатывается на радостные, громкие крики болельщиков, проносится по этому живому коридору, едва не наскочив на судейский столик.

Все, Беляк выдержал испытание кричащей, машущей руками толпы пристрастных болельщиков.

ДАНИЛКУ сразу же обступили вездесущие мальчишки, наперебой что-то спрашивая, крича, смеясь. Подойдя к своей упряжке, Данилка привязал Беляка, сел на сани, снял шапку, вытер со лба пот, огляделся.

Сейчас бы Григория увидеть, что он скажет? Результат Григория был известен, у него лучшее время дня. Ближе к результату брата подошел. Отстал от него всего на 24 секунды. Время Прошки – хуже, он был пятый.

Данилка с нетерпением ждал, когда судьи объявят окончательный результат гонки. В динамике, что висел на телеграфном столбе, заскрипело, пощелкало, затем все услышали голос судьи-информатора:

– Первое место, с лучшим временем дня у Григория Фелова, второе – занял загонщик из Краснощелья – Иван Терентьев, третье место у молодого пастуха, впервые выступавшего на районном Празднике Севера, Даниила Фелова.

Данилка едва сдержал себя, чтобы не подпрыгнуть от радости, усилием воли подавил готовый вырваться наружу крик. Он поедет на областной Праздник Севера!!!

– Победителей просим подойти к судейскому столу для награждения, – объявил судья.

Надо идти. Данилка не рассчитывал на призовое место, по крайней мере в этот сезон, тем приятней ощущать себя призером, это награда за тяжелый период тренировок. Он будет участником пятидесяти второго Праздника Севера. В запасе больше месяца. За это время надо отработать в совершенстве поворот на дистанции, главное – тренироваться каждый день: морозным ли он будет, или теплым, кататься, накатывать километры драгоценного опыта. И все мечты сбудутся.

А В ПРОШЛЫЙ год... Данилка возвращался в стадо после неудачи на отборочных соревнованиях заметно приунывшим, никому не пытался объяснить причину не-

удачи. Григорий, видя как переживает брат, в один из вечеров, свободных от дежурства, решил поговорить с Данилкой, убедить его снова взяться за тренировку оленя к следующему районному Празднику Севера. Выбрать свежего оленя, приручить его, обучить, узнать характер, сделать другом.

– Твой олень, – сказал Григорий, – уже стар, и потому не быстр на ногу. Ни битьем, ни лаской из него не сделаешь классного гонщика. Знаешь, сколько труда я вложил в своего оленя, пока он стал хорошим исполнителем моих дум. Ты работаешь второй год в стаде. А я учу его два года, многого добился, но нет у меня полной уверенности, что он не выкинет новое коленце на мурманской трассе, хотя он в прошлый год достаточно побыл на людях. Мой тебе совет: поймай молодого, сильного оленя и попробуй с ним поладить, пусть он станет тебе другом, тогда вам будут под силу любые гонки.

Шли недели, но Данилка не мог уверенно сказать, что нашел, подобрал себе оленя. А виной всему был средний брат Прошка. Рассказал однажды, что видел в стаде совершенно белого оленя, даже кидал аркан, но поймать не сумел: дичок не подпускает на уверенный бросок.

Данилка вмиг загорелся поймать этого оленя. Шли недели, но белый олень не попадался на глаза. Данилка, изо дня в день, терпеливо, зорко всматривался в тысячи пасущихся оленей, но нигде не видел желанного белого пятнышка.

В один из вечеров, когда Данилка, сменившись с дежурства, поужинав, сел ближе к огню, наладился посинить, подшить подошву тоборка, Григорий, который уже собрался уходить на смену, спросил:

– Не приглядел еще оленя для буксировки? Тогда Данилка рассказал, что хочет поймать того Белого, что видел Проня.

– А почему ты думаешь, что именно он тебе нужен? Я тоже видел его, он легок на бег, ноги длинные, сам гордый, дикий, недаром Проне не удалось поймать красавца. А если ты поймаешь его, не будет тебе спокойной жизни. Но красив он, слов нет! Умен ли? Мой красив и умен и по нраву ровен, выдержан, ему бы еще такую шубу, как у этого. Я смотрел на него в бинокль – ни одного серого пятнышка, редко рождаются чисто белой масти телята. И вот еще: оленя ты, Даниил, конечно, поймаешь, а готовиться к соревнованиям надо уже сейчас, ноги тренировать не в буксировке, а ежедневной зарядкой, да, зарядкой. Начни с утренних пробежек. Для начала с небольших, с десятком приседаний, а когда втянешься – будешь бегать по несколько километров и делать по сотне приседаний. Тело приобретает гибкость, так нужную для буксировщика. Сам знаешь – предвидеть, что попадет ему под ноги на трассе: болотная кочка, сугроб, яма или карликовая береза – невозможно. Тут будь начеку ежесекундно. Нужны крепкие ноги, тренированное тело.

К СОВЕТУ брата Данилка отнесся очень серьезно: утренние пробежки стали потребностью. И главное, ему очень хотелось походить на брата, ладного да сноровистого, любое дело выполняющего легко, играючи.

ДАНИЛКА помнит, как в первую зиму его работы в отцовском стаде случилось несчастье. Захар Гаврилов сломал ногу. В тундре всякое случается. При спуске с горы упряжка Захара заартачилась, потом понеслась во весь дух, нарты подбросило так, что Захар выпал из них, не успев размотать игну с руки. Протащили его разгоряченные олени до самого озера. Когда они все же остановились, Захар хотел подняться, но, ощутив неимоверную боль в ноге, так и остался лежать на снегу. Ехавший следом за ним Григорий помочь чем-то не смог. Лишь спустившись на озеро, он поднял Захара и бережно уложил его на свои нарты и привез на базу.

Послать за помощью в село решили Григория.

Рации в тот год в бригаде еще не было. Отец прикинул: если идти ближним путем, возле гор, то будет всего-то километров шестьдесят, но кто измерял эти пустынные километры тундры, кроме оленеводов? Случилась беда поздним вечером, а ранним утром Григорий ушел на лыжах в село. И никто, кроме Данилки, не удивился, когда в полдень, сперва едва различимо, потом все отчетливее стал нарастать гул мотора.

Когда вертолет, вынырнув из-за сопки, пошел прямо на базу, всем стало ясно: Григорий показывает дорогу.

Вертолет, сделав круг, плавно завис над круглой заснеженной сопкой, так взвихрив снег, что несколько минут ничего нельзя было различить. Первым из этой снежной круговерти вырвался Григорий, а потом уже прилетевший врач. Осмотрев Захара, врач наложил на ногу шину, и пастухи на носилках отнесли его к вертолету. Через несколько минут винтокрылая птица взмыла в воздух и ушла курсом на село. Григорий же начал собираться на очередное ночное дежурство. Будто и не было этой сверхмарафонской дистанции. Данилка ожидал, что последует подробный рассказ о том, как брат добрался до Ловозера. Однако ни отец, никто из бригады даже не спросили у Григория о путешествии, будто он не за шестьдесят километров сходил, а к ручью за водой для чая.

Даниил поступок брата считал подвигом и не понимал, почему никто не восторгается, не благодарит Григория, благодарили только прилетевшего врача. Отец так сказал:

– Спасибо большое за помощь, Алексей Иванович, такую дорогу пришлось вам пролететь, как бы мы с ним добрались до села, на какие сутки. Доброго здоровья вам, Алексей Иванович!

ДАНИЛКА примерял мысленно на себя эти, вероятно, вдвойне трудные километры, он тоже неплохо ходил на лыжах, в школе получил второй спортивный разряд. Да кто же из наших мальчишек-северян не умеет ходить на лыжах! Едва научившись ходить на ногах, пробуют – на лыжах: как же иначе, где еще найдешь такие длинные зимы, как у нас на Севере?

– И все же, – прикинул Данилка, – я пришел бы в село только к вечеру.

Выходило, он совсем не знал старшего брата. И лишь работая бок о бок с ним, узнавал все новые и новые черты его характера, удивительные черты. Хотелось походить на Григория. Средний же брат, Прокопий, казался Данилке до простоты понятным, его почему-то не тянуло к нему, может из-за частых, но безобидных насмешек над неопытностью, нерасторопностью в многосложных пастушьих делах, где нужны порой невероятная – почти собачья выносливость, рискованный расчет, борцовская ловкость. По мнению Прошки, у Данилки ничего этого не было. Данилку злили остроты брата, но он делал вид, что не обращает внимания. Если на очередных упражнениях Прошки случалось присутствовать отцу, он всегда напоминал о его промахах двух-трехгодичной давности.

Тогда брат на время оставлял Данилку в покое, но при первой же возможности вновь досаждал насмешками. Не потому ли между братьями не было привязанности...

Незаметно, за постоянными хлопотами, пришла весна, наступила самая ответственная пора для пастухов, время беспокойных и кратких снов – время отлова важенок. А за отелом – комариное лето, борьба с оводом, постройка новых и ремонт старых изгородей – Данилка почти забыл о Белом олене.

Но вот октябрь заморозил коротенькое северное лето, дохнув на тундру холодом суровой Арктики. По утрам – первый иней на зеленом изумруде травы, первый снег на крутых вершинах гор. На пороге – долгая полярная зима. Сердце у Данилки встрепенулось, стало жаль короткого и

скромного заполярного лета. Но раз уж зима идет, то пусть приходит быстрее – затяжная осень никому не в радость. И Данилка любил зимы.

НРАВИЛОСЬ в студеную ночь наблюдать за трепетом полярного сияния, оно, это сияние, представлялось существом одушевленным. Вот – переливается плавно, исчезает, вновь появляется, ширится, лучится, убегает. А краски, краски! Живые, прозрачные, тревожные. Буйствуют необъятной фантазией в морозной звездно-синей тьме, будто воображение.

Данилка пробовал рисовать его цветными карандашами, но получалось что-то блеклое, несравнимое с натурой – он оставил это занятие. На неделе начнется просчет оленей, потом самая ответственная пора – забой, отчет о работе пастухов за год. Сколько сумели сохранить, какая упитанность.

И главное – в положенный срок подогнать стадо к забойному пункту, не растерять его по дороге. Тут уж день и ночь надо зорко следить за оленями, направлять их по заранее выбранному маршруту. А стадо немалое – несколько тысяч голов. Чуть замешкался: на подходе ли, на кормежке – и несколько сот животных отколетса от общего стада. Тогда кусок надо догонять. Бывает, что искать приходится не один, не два дня...

А тут еще появились волки, они всегда ходят рядом со стадом. И стоит ослабить внимание, как тут же налетят. Испуганные олени могут разбежаться куда попало, и тут их не удержать. Данилка стрелял по волкам, но убить ни одного не удавалось – зверь очень хитрый и осторожный.

Размышления Данилки прервал вошедший в чум отец. Раздевшись, присел к костру. В большом чугунном котле варилось оленье мясо, медный чайник стоял на обочине. Отец налил кружку чая, достал сухари, сахар, выпил крепко запаренного напитка. Закурил, прислонился спиной к большому походному сундуку. Устал, вытянул ноги – отец любил так отдыхать после трудового дня. И будто продолжая давно начатый разговор, обратился к Данилке:

– Снег в этот год придет рано, надо торопиться с просчетом стада, сделать выбраковку. Зоотехник обещал быть в первой декаде октября, думаю, не поздно ли будет?

Беспокойство отца пробудило острое чувство тревоги, и Данилка вспомнил тяжелую весну прошлого года. Правильность отцовских прогнозов не вызывала сомнений у пастухов, настраивала действенность, держала в постоянной собранности, исключала случайность и расслабленность.

В ПРОШЛУЮ весну, когда растаял почти весь снег, и июньское солнце ласково пригрело тундру, отец предупредил, что весна будет затяжной. Опыт целой жизни был залогом его уверенности. В конце июня на тундру обрушился снегопад, плотный, тяжелый – стихийное бедствие для севера. С резким ветром, без перерыва снегопад шел полных три дня, не прекращаясь и ночью. Мела настоящая метель. Снега выпало выше колена, он тяжело осел на ветвях берез, закрыл едва распустившиеся крохотные березовые листочки не более копеечной монеты. А на третий день под тяжестью снега до земли прогнулись карликовые березы. Но главное – этот снегопад совпал с отелом. Неимоверно трудно было всем пастухам, всей

тундре: пернатым, большим и малым зверюшкам. Данилка и сейчас с содроганием вспоминал эту страшную июньскую неделю, тяжелейшую неделю своей пастушьей жизни. Запомнились и слова, сказанные отцом:

– После этой недели, схожей с фронтовой, Данилка или навсегда уйдет из стада, или, оставшись, будет настоящим пастухом.

3.

Зов тундры

ДАНИЛКА пережил эту неделю и остался в стаде. Пастухи сумели принять, выходить и отстоять у стихии беспомощных, слабеньких еще на ноги оленят. Это была их работа и долг перед кормильцем и другом – северным оленем. Вековая, идущая от предков забота была осуществлена и в эту тяжелую весну. Как они радовались после холодной бессонной недели! Июнь прояснил небо, солнце скоро растопило снег. Распрямились согнутые до земли березки с крохотными листочками-изумрудами. На окраинах болот проглянули из-под растаявшего снега белые лепестки морошки.

– Не погибла! – радовался Данилка.

Весна уверенно занимала сданные в недавней схватке позиции.

В эти радостные минуты жизни Данилка даже написал стихотворение. Оно пришло как-то само, без усилий и, казалось, без его участия. Поднялся на заветный бугорок, присел на миг... Да и не ушел. Смотрел, любовался лазурным небом тундры, уже одетой в зеленое платье с голубым воротничком озер. Душа наполнилась и вылилась рифмой. Данилка записал в блокнот.

Я тебе не сейчас напишу о весне,
Про другой синеглазый июнь.
Видишь, в этом июне безжалостный снег
По утрам забивает зарю.
Он лежит, как зимой, на могучих горах,
И на мшисто-оленьей тропе,
Распуститься несмелым березкам не дав,
Выгнув тонкие ветви к земле.
Будет солнце – березки распустят листву,
И растает бесчувственный снег.
Горы ласково глянут в озер синеву –
Вот тогда напишу о весне.

БЫСТРО прошло лето. Осень начала переходить в долгую полярную зиму...

Сегодня Данилке идти в ночную смену. Объезжая стадо, он внимательно всматривался в живую теплую реку спокойно пасущихся оленей. Основное русло разлилось на несколько километров. Живая река ни на минуту не останавливалась, текла, колебалась то влево, то вправо. Пастуху – управлять этим разливом, направлять в русло, которое зовется попросту маршрутом стада. Не дать разбежаться на маленькие народа. Данилка понимал, как много ему предстоит еще учиться, чтобы стать на один уровень со всеми членами бригады. На это уйдут годы. Ни скудность пастушьего жилья, ни капризы заполярной природы – ничто не сможет оттолкнуть его от любимого дела.

Его место здесь, возле отца, отдавшего тридцать лет работе в стаде, возле братьев, в совершенстве постигших

древнее искусство. Его место здесь, только жаль – нет с ним рядом друга Кольки, очень жаль. Они с ним долгое время были неразлучны.

Дошкольниками кочевали вместе с родителями в широких просторах тундры. Однако пришло время идти в школу. Отвезли их в село, отправили в интернат на учебу.

С первого класса по восьмой каждое лето выезжали они в стада. Данилка не раз отказывался от путевки в пионерский лагерь. Отец сердился, но с собою брал. Короткое лето в тундре пролетало незаметно. И они с Колькой нехотя возвращались в село. Ждала школа, любимые учителя, шумная и веселая интернатская жизнь.

ДАНИЛКА начал замечать – Николай увлекся машинами. Он записался в кружок автодела. Меньше стало меж ними разговоров о стаде, об оленях. Данилка был удивлен, когда в восьмом классе друг заявил, что по окончании восьмилетки хочет поступать в военное училище. Предстояло расставание. День этот наступил неожиданно. Данилка собрался ехать с отцом. После экзаменов – желанный отдых в тундре.

Николай пришел и радостно объявил:

– Вызов из училища. Через неделю экзамены. Собираюсь.

Данилка зло и резко спросил:

– А кто оленей будет пасти? Старики? Разве у них две жизни?

Николай ничего не ответил, замкнулся. Уходя сказал:

– Поступлю, напишу. А если не выдержу конкурса, вернусь домой. До армии буду работать в стаде.

Так и расстались.

«Как там в училище живет Кольке?» – часто думал Данилка.

А как весело было им вместе, когда тренировались в буксировке, мечтая стать если не чемпионами, то хоть призерами Праздника Севера. Высоко заносила их неуемная фантазия. Казалось, все исполнимо и реально в самом недалеком будущем. Воспоминания исчезали, обыденные заботы возвращали к действительности – Данилка вздохнул:

– Жаль, нет рядом Кольки.

Он зорче стал всматриваться в подвижный живой поток, стараясь увидеть белое пятнышко в нем. Время шло, а Данилка не видел белого оленя, которого, не поймав, считал своим. С ним он связывал гордые надежды. Так на дежурстве без происшествий прошла неделя. Повседневные заботы оставляли мало времени для тщательных поисков – и Данилка незаметно отвлекся. Но однажды во время очередного дежурства, при объезде, заметил – кусок оленей далеко оторвался от общего потока. Развернув упряжку, он направился к беглецам. Сняв с поводка лайку, крикнул:

– Чап, усь!

ВЕРНОМУ другу и помощнику командовать дважды не пришлось. Черный комочек помчался по золотистому насту. Чап несся хитро, с пониманием, в обход отколовшемуся куску. Вскоре Данилка услышал напускной, требовательный лай. Заливаясь, Чап по-своему, по-собачьи, доносил приказ хозяина. Олени подчинились не сразу, по большому кругу норовя вырваться из-под опеки назойливой лайки. Но Чап проявлял высшее мастерство потомственной оленегонной породы собак. С завидной легкостью и

проворством, напористо проносился он перед самыми носами бегущих оленей. И всем видом как бы говорил:

– Не уйти вам, красавцы, на вольный выпас. Послушайте, я могу пустить в ход и зубы.

После нескольких отчаянных, но неудачных попыток своевольничанья олени устали. Повернув на большой скорости, они растворились в массе основного стада. Данилка, убедившись, что все в порядке, повернул назад и поехал вдоль небольшого болотца. По краю оно зеленело яркой осокой, сверкала его водная гладь. Плавали утки, готовясь к отлету. Остановив упряжку, Данилка слез и пошел к берегу. Кряквы спокойно кормились. Птицу здесь некому было пугать. Охотничий сезон впереди. Но пастухи не тревожат, не стреляют живность вблизи маршрута. Так идет от прадедов. Данилка выбрал плоский камень, оперся на него руками и опустил голову в воду. Напился. Встал. Не увидев рядом Чапа, взял бинокль, лежащий на санях. Навел его на ближние холмы и болотца. Собака скрылась.

«Неужели убежал к отцу», – подумал.

Взял хорей, выверенным движением левой руки подхватил игну. Данилка направил упряжку от озера. Проехав около ста метров, услышал знакомый лай – голос Чапа. Данилка увидел, что пес завернул еще одну стаю оленей со стороны заходящего солнца. Чап приближался, звонко лая, к истокудвигающегося на закат стада.

– Знает свое дело, – отметил пастух. Остановив упряжку, он наблюдал за работой собаки.

Но что это – впереди небольшой группы, гордо подняв голову, мчался, нет, стремительно летел Белый олень.

ОТ ВОЛНЕНИЯ у Данилки пропал голос. Выдохнул: он! Быстро подняв хорей над спинами оленей своей упряжи, погнался за стаей во главе с Беляком. Но стая уже смешалась с общей массой. Остановив упряжку, Данилка вытащил из-под шкуры няртало. Теперь надо сблизиться на верный бросок.

Данилка подбирался осторожно. Триста, двести, сто метров. По телу пробежала испарина, когда увидел, что Белый олень сперва поднял голову, а затем начал уходить вглубь. Неужели почуял мое намерение?

А Беляк, так для себя назвал его Данилка, стремился в гущу. Забеспокоились и другие животные.

Данилка не стал подходить ближе: не стоит пугать, главное, он есть!

По времени – должен подъехать сменщик. Молодой пастух медленно повернул в сторону куваксы. Навстречу спешила упряжка...

Данилка распряг оленей, пустил их кормиться. Вошел в куваксу. Отец и дядя уже разливали по мискам уху из сига и щуки. Отец умел готовить лучше всех. Старшие неспешно говорили, а Данилке нетерпелось поделиться

новостью. Но молчал уважительно. Отец видел – сын горит желанием рассказать и обратился:

– Как отдежурил?

Старшие выслушали мальчика, одобрили его поступок. Кормящееся стадо пугать не принято. Они знали – бросать няртало Данилка умеет, но в данном случае он поступил, как настоящий, зрелый пастух.

Данилка помнил, как сердился отец на Проню, когда он решил во что бы то ни стало поймать передового. Рогач был осторожен и с норомом – метнулся в глубину стада. Проня сделал несколько бросков и неудачно. Напуганное стадо заварилось смятением, вскипело, стремительно рванулось на юг, в сторону древних Кейв. Только через несколько часов изнурительной погони удалось вернуть беглецов. Отец послал умную и проворную Пальму. Преданная только ему, рыжая, как лиса, собака ушла скачками вслед.

НИЧЬЮ команду не признавала эта красавица. Когда отца не было в стаде, Пальма тихо лежала на его санях. Иногда поскуливала. Еду брала и смотрела грустно. По возвращении отца, Пальма снова становилась резвой и очень деловитой собакой.

В тот раз обе Прошкины загонные были привязаны у куваксы.

Промах брата послужил хорошим уроком для Данилки.

Поужинав, включили «Спидолу». На волне «Маяка» передавались новости. Диктор говорил об урожае, называл передовиков жатвы – отца и сына. Диктор рассказал о подрастающей, достойной смене ветеранам-хлеборобам.

Отец повернулся к Данилке и сказал:

– Вот и нам, старым оленеводам, нужна надежная смена, а молодые, – не о тебе Данилка, речь, – молодые неохотно идут в оленеводы. Из друга твоего, Николая, хороший пастух получился бы, а он выбрал другую специальность. Для нас это потеря. Жаль. Русские тоже не хотят идти к нам. Вот взять хотя бы Леньку, сына Кондратия. Из него навряд ли получится оленевод. Несобранный какой-то, все нехотя, все со смешком. Скажешь ему серьезно, сделаешь замечание, а он в ответ:

– Сойдет для тундры.

Кондратий, говорят, чуть не пришиб сына в сердцах за самовольную отлучку в село. Весна, работы с головой, а он исчез на целую неделю. Тяжело пережил позор сына. Месяц лечился в областной больнице. Человек, любящий оленей, не мог так поступить. В массовый отел пастухи не спят сутками.

ДАНИЛКА понимал – сильно беспокоит отца малочисленность молодежи, особенно из саамских семей. Все меньше парней идут за отцами в бригады. Саамские парни охотно становятся шоферами, в совхозе трактористами, вездеходчиками, плотниками, слесарями. Трудно в наше время менять уютные квартиры на кочевой образ жизни, на чумы, на костры и куваксы. Древний уклад жизни саамского народа претерпевает внутреннюю ломку. Данилка вспомнил свои детские стихи о пастухах:

Велики стада в колхозе,
Волен северный олень.
Жизнь пастушья – на полозьях
Вдалеке от деревень.

Когда он впервые прочел их на вечере встречи с ветеранами, старейшие оленеводы, орденоносцы хлопали в ладоши, говорили – правильно, сынок. Так, жизнь пастуха на полозьях. Всякое, всякое бывало. Кое у кого при этом на глазах слезы блестели. Полыхала у Данилки безграничная радость. Правильно уловил жизнь оленеводов, нашел точные краски, настроение. Колыхнул души опытных, знающих тундру людей. В волнении старых оленеводов было что-то сильное и глубокое и, может, ускользающее от Данилки, но он учился читать в душах оленных людей. Он понимал смутно: чтобы так глубоко чувствовать тундру, надо прожить в ней десятки лет, отдать себя оленеводству без условий и компенсаций.

Большое видится на расстоянии. Кто это сказал? Есенин. Как глубок смысл всего четырех слов.

РАНО утром Данилку разбудил веселый голос брата Григория. Он что-то рассказывал отцу. Прислушавшись, паренек понял, что брат поймал-таки Белого оленя. Сон сорвало, как шапку ветром... Он не приподнялся со шкуры, на которой спал, а подскочил. Сердце возбужденно забилось, радость перехватила горло. А Григорий, увидев брата, сказал, словно одарил:

– Иди посмотри на своего Беляка, приручай. Постарайся подружиться с ним и подготовить к следующему Празднику Севера.

Не помня, поблагодарил ли он брата, Данилка выскочил из куваксы. Беляк стоял у его саней, привязь натянута струной. Шагнул к нему. Беляк встрепенулся, потащил сани.

Выбрав момент, Данилка схватился за упряжь, подскочил к пугливому гордецу, обхватил его за шею руками. Не

удержался от сильного рывка. Олень отчаянно старался высвободиться. Не удалось. Напряженно притихнув, пугливо вращая черными большими глазами, олень ждал. Данилка разжал объятая, олень отпрянул и снова застыл. Сходил в куваксу за солью. Держа ее на ладони, протянул руку к Беляку, хватил за шею, как в первый раз, и прижал ладонь с солью к мягким и теплым губам...

– Ну вот, будем друзьями.

С этого дня наступила радостная и хлопотливая пора. Не рассчитывая на быстрый успех, он приготовился к длинной, кропотливой работе. Пройдут месяцы, а может, год, чтобы обнаружались первые результаты выучки.

Время крепило доверие. Беляк уже спокойно давал одевать упряжь, выполнял некоторые команды. Олень начал пробегать по кругу. Данилка – рядом, похлестывая левый бок игной. Направлял идти по прямой, но олень пока не понимал, не слушался. Данилка терпеливо повторял уроки и постепенно добивался своего. Успехи несказанно радовали дрессировщика. Беляк мог уже не с круга, а прямо с места бежать в том направлении, куда указывал Данилка. Дрессировщик бежал рядом, порой уставал, больше чем за смену. Такие затраты физической энергии компенсировались устойчивым моральным удовлетворением.

Теперь Беляк связал в один неразрывный узел все помыслы и мечты молодого пастуха. Отнял свободное время. Все яснее Данилка чувствовал, что не побежит за Беляком, а помчится на лыжах. Дружнее, смелее, сноровистее их не будет на дистанции.

В ноябре Данилка сказал:

– Готов начать тренировки.

Первым свое опасение высказал отец:

– Не рано ли, сынок, ушибет тебя олень. Еще и камни в тундре снегом не покрылись. Ты нетерпелив, хоть уже и не мальчишка. Пусть бы выехать Беляка опробовал Григорий, у него большой опыт. Потом уже решим – готов ли твой олень к стартам.

ДАНИЛКА понимал, что отец прав, но хотелось самому освоить сложное дело. Решили так – сменится с дежурства Григорий, тогда и начать тренировки. Заступать на смену Данилке только на следующее утро. Он не знал куда себя деть. Выйдя из куваксы, принялся рубить дрова, крепко пахнущие смолой. Скоро появился целый ворох. Присел на толстый комель сосны: что бы еще поделать? Наверно, нет воды.

Взял ведра, сходил к роднику, который был рядом, в небольшом овраге.

5.

Очарованный тундрой

ДАНИЛКА принес свежей воды, потом еще и еще, пока не наполнил бидон. Раздул костер, подбросил несколько поленьев и налил чайник. Бодрое пламя лизнуло закопченные бока. Сколько в нем было горячей силы, беспокойства, – как у Беляка.

Данилка шагнул из куваксы и залюбовался. Олень кормился, но увидев человека, поднял красивую шею, тряхнул головой, словно приветствуя. Сухарь он взял из рук с удовольствием, захрустел, потерся носом о ладонь. Данилке стало хорошо и он присел на валежину рядом с другом. Солнце касалось пологих хребтов. Оно было красным и ярким. Вспомнил слова отца:

– Последние дни видим, скоро уже не выкатится.

Да, прощается с тундрой надолго. Лишь отблески его лучей поиграют еще, порадуют ясной прозрачностью. Потом, затухая, отгорит и ярко-оранжевая полоска. Придет трудная, суровая пора.

В такую пору Данилка на школьном вечере впервые прочитал свои стихи. Слушателями были, кроме учеников, учителя, воспитатели. Одна из них, Александра Антоновна, преподавала литературу и знала – Данилка пробует писать. К ней и обратился. Разбирали стихи недолго, а доработка

заняла у Данилки массу времени. Он изменял в них, убирал, переставлял слова, сочинял снова. И каждый раз волновался, принося исправленное к учителю. Что еще не так, умею ли работать над ошибками. Уже в то время Данилка усвоил: доработка, исправление – дело трудное, очень трудное.

Александра Антоновна посоветовала вступить в литературный клуб при школе. В «Современнике» было интересно – читали классиков и новых поэтов, обсуждали собственные пробы.

Досталось тогда Данилке. Придирчиво разбирали каждое четверостишие, строку, да что там – каждое слово. Данилка отчаянно спорил, горячился, понимал, перерабатывал и снова отстаивал свое. Вспомнив о далеком уже времени, Данилка отметил для себя – редко берет на карандаш рифмы, которые зачастую приходят, которые проговаривает вслух. Незаписанные, они за сутолокой дел забывались, а значит – исчезали навсегда. Еще не стерлись воспоминания о первых, явно слабых стихах, прочитанных принародно. После сочинял и удачные, но первое публичное прочтение – словно прыжок через костер, потому и осталось в душе ярким трепетным отблеском, полетом.

Летать Данилке приходилось всего раз. Свежее, стойкое впечатление. Закроешь глаза и возникает необъятное голубое пространство, проплывающая внизу земля. Встрепет сердце необъяснимо-тревожное ощущение. Именно такое состояние было при первом публичном прочтении стихов.

Сейчас, глядя на большое ярко-красное солнце, Данилка вдруг проговорил:

– Красивой бывает наша тундра. Много глубоких переживаний дарит. Месяцами томится взор о первом солнечном луче. Блеснет он – чудо! Розовым обдаст белизну весенних просторов, горы, будто древние старцы в ослепительных шапках, витые березки на холмах – чудо! А пурпурного каления закат сверкал в глаза Данилке:

– Воспой, воспой красоту родной красоты! Полярную ночь в темно-звездном платье, несмелый рассказ ручья о зиме, что провалилась в подтаявший сугроб и промочила выходные белые пимы.

Работая в стаде, Данилка не замечал и не слышал, чтобы братья вслух восхищались красотой природы. Чаще ворчали на бураны, морозы, дожди. Изредка и солнцу говорили неласково. Бывали жаркие июльские недели, сохла тундра, леса занимались пожарами, выгорал ягельник – основной олений корм. Ученые пишут – только через тридцать лет восстанавливается. Даже не верится, что так медленно зарастает гарь седой кудренью ягеля. Но знал Данилка: братья чтут тундру, по-своему любят, не напоказ.

А каким я буду через тридцать лет? Вырастут сыновья, может, захотят остаться оленеводами? В такую даль трудно заглянуть. Может, переведутся за эти годы олени. Но как же люди, тундра? Нет, олени будут всегда. И оленеводы продолжают свою профессию. Надо растить смену заинтересованную, пристрастную, преданную. Охваченный смутной тревогой, Данилка встал и припал к сильной шее Беляка:

– Что взволновало меня, с кем спорю. Со временем?

Донесся звук снегохода, это Прошка заводил своего железного помощника.

– Техника хороша. Все больше ее приспособливают для нашей профессии. Значит, в районе думают о дальней

перспективе оленеводства, и нашему государству оленеводство необходимо.

Перестройка, ускорение – новые для пастухов слова. Крепкие, обнадеживающие. Данилка почувствовал, что неприятная тревога уходит. Он снова сел, достал из кармана блокнот и карандаш, набросал первые строки будущего стихотворения.

Кто сказал, что северных оленей
Скоро будет незачем пасти?
Дай, мол, срок... и техника заменит,
На нее лишь сесть да завести...

За этим занятием и застал его незаметно подошедший брат Григорий:

– Ты не слышал, я окликнул тебя? Опять размечтался над блокнотом, заканчивай, запрягай Беляка. Попробую его сноровистость.

6.

Солдат, оленевод, советчик

ДАНИЛКА, смущенный внезапным появлением брата, торопливо спрятал блокнот, подошел к саням, еще не совсем переключившись на реальность.

А Григорий уже торопил:

– Что там у тебя, упряжь запуталась?

– Нет, все в порядке, – ответил Данилка.

Григорий запряг Беляка. Пробой остался доволен. Вечером, за ужином, Григорий рассказывал отцу:

– Команды понимает, слушается хорошо. Горяч, но умен и силой играет. Неплохой, неплохой буксировщик получится.

А Прохор совершенно серьезно заметил:

– Ну и намучаешься ты с ним, Даниил на Празднике Севера.

– Почему?!

Прошка уточнил:

– На белого оленя, как на диковинку, придут посмотреть тысячи. Нашумят, накричат. Как пройдешь трассу? Как проскочишь тысячеголовый людской коридор? Олени, даже обьежженные, боятся толпы. А этот, полудикарь, обязательно шарахнется в сторону.

Объяснение брата произвело удручающее впечатление.

– Действительно, будет очень трудно. Надо достичь полного взаимопонимания с Беляком. Воспитывая оленя, нельзя полностью подавлять его волю. Но где черта, за которую нельзя заходить, за которой олень вместе с волей теряет и свое достоинство? Как не испортить друга, как почувствовать сердцем грань?

– Надо поговорить с отцом, он знает.

В молодости отец был хорошим спортсменом, увлекался буксировкой, а учил его этому сложному искусству дед Илья.

На следующее утро, когда братья ушли на смену, и в куваксе остались отец и он, Данилка спросил.

Отец, как показалось, не удивился вопросу, но ответил не сразу. Сын ждал...

– Дело потребует выдержки, велик соблазн быстро добиться желаемого. Поддашься, погубишь хорошую задумку. Главный мой совет – не огорчайся. Будут, возможно, и вовсе неожиданные срывы. Одно дело, когда олень видит человека на расстоянии, другое – рядом. Надо ликвидировать боязнь. Потеряешь терпение – отойди, успокойся, не ожесточайся, не разрушь достигнутой близости. Не ударь оленя. Он должен постоянно чувствовать доброту. У животного, как у людей, бывает разное настроение. Может, олень не успел покормиться, тяжелый наст, сильный ветер, мороз помешали. В один день получится все, а в другой не выйдет и самое простое. Не гневайся, будь справедливым. Лишь тогда станешь буксировщиком, лишь тогда Беляк ответит скоростью и полным послушанием на трассе.

После того разговора прошло несколько месяцев Данилкина мечта стала уже видимой детальнее. Все свобод-

ное время он был с Беляком. Многому научились. Олень все больше доверял, смотрел без боязни, как бы спрашивая:

– Что у нас сегодня?

Данилка вытаскивал из кармана сухари, кусочек солилизунца. Беляк осторожно брал губами подарки, тепло касаясь пальцев.

Когда удалось собраться вместе, отец сказал обрадованно:

– Григорий, а ведь обойдет тебя Данилка на районном празднике. Отстоишь ли на этот раз звание чемпиона. Прошка тоже в хорошей форме. И Семен из седьмой бригады упорно тренируется. И Иван Терентьев из Краснощелья чего стоит! Бой тебе, Гриша, дадут решительный – держись!

Григорий пошутил:

– Перед праздником схожу в горы, поймаю дикаря, тогда пусть попробуют обогнать.

– Да ты его до самых Хибин не остановишь, – подхватил шутку отец.

Теперь он часто выходил посмотреть на тренировки сына. Садился на сани, раскуривал трубку и молча наблюдал, как сын управляется с оленем. Данилка заканчивал дистанцию, снимал упряжь. Отец подходил к Беляку, совал ему кусочки сухаря и приговаривал складно:

Вильке пуац, махта саамь левт, сон эм ванц, сон керт!

Белый олень, как песня саама, она не ходит, летает!

Отец будто не замечал сына, разговаривая с оленем. О чем думал старый оленевод, что вспоминал? Радовался или огорчался при этом? Сын не мог знать, как не мог повторить трудную юность отца. Управившись с делом, он

стоял в стороне, не решаясь подойти, прервать думы. Еще неуважительнее было уйти в куваксу. Не приучены саамские дети забираться в тепло жилья раньше родителей. Это неписанный закон тундры. Сын даже не сел на сани, хотя чувствовал, как тяжелы и непослушны ноги после тренировки. Отец, поглаживая Беляка, смотрел вдаль.

– Хороший у меня отец, – думал Данилка, – а знаю его мало. Скоро шестьдесят стукнет. Около пятидесяти отдал оленям, тундре. Себя не жалел. Думает. О чем? Может, о войне, о том, как водил райды с продовольствием и оружием, как ходил в тыл гитлеровцев, как возил раненых в Мурманши...

Один из фронтовых эпизодов, рассказанных отцом, неожиданно коснулся северных собак. Это было повествование о преданности, верности и выносливости.

В январе 1943 года партизанский отряд, бойцом которого был отец, принял бой в тылу врага. Рвали тишину автоматы, дыбили тундровый снег гранаты. Осколок тяжело ранил отца, ударной волной его отбросило и засыпало. Партизаны, отбиваясь, отошли на нашу территорию. Потерявший сознание, истекающий кровью отец не замерз благодаря национальной одежде. А спасла его собака по кличке Тальв. Собак в поход не брали, оставляли на базе. Но эта перегрызла поводок и нашла хозяина. На другой день разведчики осторожно вернулись к месту схватки, чтобы увезти погибших товарищей. Лай собаки удивил, а когда увидели, что она роет снег, поняли – там, под снегом, человек. Отца нашли. От потери крови он очень ослаб. Через шесть часов ему оказывали медицинскую помощь. Прошел месяц, и отец снова вел райду к финской границе.

7.

Легенда северного леса

ОТЕЦ повернулся к сыну, пристально посмотрел на него и с сожалением в голосе сказал:
– А ведь тебе, сынок, придется отдать оленя Григорию.

– Как отдать, совсем? – не понимая, переспросил Данилка.

– Пойдем в куваксу, поговорим.

Данилка был так ошеломлен услышанным, что не разобрал, о чем дальше говорил отец. Скорее по жесту руки понял и взглянул к лесу. Увидел четверку оленей – это ехал с дежурства брат Григорий. Сели ужинать, отец не торопился объяснить причину своего решения, вначале расспросил старшего, как прошла смена. Поужинав, налил в свою кружку крепкого чая, поставил ее на ящик, служащий в походных условиях неплохим столом, взял трубку, набил ее махоркой. Поднес лучину к углям, она ярко вспыхнула, озарив обветренное сухое лицо. Глубоко затянулся, кашлянул:

– Данилка в этот год не поедет на Праздник Севера. Дядя Егор еще в больнице, Семен в отпуске, сейчас нас четверо. Если вы с Гришей уедете на соревнования, то у стада останутся два старика. Председатель просил меня,

Данилка, поговорить с тобой. Гриша пусть едет, на твоём олене выступит. Беляк надежен, не подведет. Но, если бы ты, Данилка, на районном празднике точно занял первое место, то я Гришу стал бы просить остаться в стаде. Ты ещё молод, будут у тебя Праздники Севера. А сейчас нам с тобой необходимо быть при стаде – выполнять главную заботу оленеводов.

Данилка сморгнул, в горле у него сделалось предательски сухо, захотелось прокашляться... Справился с ярким натиском охватившего его волнения.

– А будет ли слушаться Гришу Беляк? – выпалил Данилка, но тут же понял неуместность своего порыва. Никакие доводы не смогут изменить решение отца, да и нужно ли иное решение.

– Хорошо, отец, я остаюсь, – сказал Данилка, – у меня действительно ещё мало опыта в гонках за оленем. Мне просто повезло на районном празднике оленеводов; чтобы встать на уровень с Григорием, надо ещё многому учиться.

– Данилка, ты огорчен, – сочувственно произнес отец. – Поднимись выше личных интересов, тогда жизнь станет яркой, полной. Будет, что вспомнить и рассказать своим детям. Ты думаешь, отец всегда делал то, что хотел. Нет, сынок, да и неправильным было бы разрешать всем поступать так, как им хочется. Ты уже взрослый и очень скоро в этом убедишься.

ДАНИЛКА вышел. Постоял около саней, потом, не нагибаясь, протолкнул ноги в ремешки лыж и медленно направился к освещенному бликами солнца, голому холму. Он не заметил, как достиг его, и только когда лыжи покатали его с холма, понял: уже на западном склоне горы.

Данилка прибавил шаг. Десяток минут быстрой ходьбы – и вот он лес. Ели в сверкающей оснежи были таинственны и загадочны. А сколько легенд, поверий рождается про такие лесные уголки нашей тундры. Много видели эти места приходивших сюда людей и оленей. Если у них есть память, то они хранят увиденное за сто, двести, а может, триста лет. А сколько еще увидят!

Но кому расскажут, чему удивлялись, о чем грустили?

Выбрав потолще валежину, Данилка смахнул с нее снег, сел поудобнее, стал смотреть на высокие осанистые ели. Вспомнилась сказка, которую услышал от деда еще дошкольником.

Пас оленей саамский парень и, чтобы не заснуть в длинную ночь, подбадривая себя – свистел. Не выдержало его свиста Полярное сияние, расшвирипев, опустилось на землю и подняло в черное звездное и холодное небо парня вместе с оленями. Когда отец приехал с погоста заменить у стада сына, то не нашел ни его, ни оленей. Поспешил назад, рассказал всем о случившемся. Несчастье, горе.

А поблизости в Нотозерском погосте жила столетняя Акка, которую все считали доброй колдуньей. Отец саамского парня поехал к ней за советом. Акка выслушала, улыбнулась чему-то. Потом сказала:

– Твой сын непослушен, нарушил запрет. Нельзя свистеть, когда на небе ходит Полярное сияние. Это не первый случай. Сияние наказывает саамских парней за пренебрежение к давним обычаям. За то и забрало его к себе на небо. Сидит он сейчас вверху, на ковре из блестящих, холодных звезд. А чтобы найти сына, – сказала Акка, – надо привести его невесту на то самое место, где сияние взяло слушника. Но если невесты нет – плохо.

Поблагодарив мудрую столетнюю Акку, отец вернулся в погост. Стали они с матерью гадать, кто же невеста их сына, да так и ни на ком не остановились.

ЗАГОРЕВАЛИ старики, значит, не было у сына невесты. Время шло. Как-то утром в дверь постучали, и на его пороге появилась маленькая саамская девушка.

– Тирв ялла, – сказала она.

– Проходи, садись к столу, пригласили родители. – Будем пить чай.

– Я невеста вашего сына. Хоть сейчас поеду его вырывать.

– Но ты еще так мала, – воскликнули разом отец с матерью.

– Акка сказала, невеста может спасти вашего сына.

– У тебя силенок не хватит, чтобы удержать оленя!

Обиделась девушка, да делать нечего, не хотят родители признать ее невестой. Сдержала слезы.

– Живу в соседнем погосте Рестикенте, – сказала, поклонившись на прощанье.

Вскоре заявила стройная и красивая саамская девушка.

– Я подхожу для вас и для вашего сына?

Отец с матерью обрадовались и в один голос молвили:

– Подходишь,ходишь!

Отец запряг две кережи, в одну сел сам, в другую усадил девушку и поехали они в стадо.

Приехали на заветное место. Отец первым прыгнул из кережи, помог выбраться девушке. Встала девушка, обернулась по сторонам и спрашивает:

– А где жених, почему я не вижу его самого, почему не вижу его оленей?!

Постояла девушка так, пока отец саамского парня не выкурил трубку и говорит:

– Не надо меня обманывать, если ваш сын здесь, то пусть покажется, а то я найду другого жениха... Так и вернулись.

ЕЩЕ прошло время. Солнечным тихим зимним утром пришла девушка из погоста Рестикент:

– Вы испытали одну девушку, испытайте и меня, если сияние вернет вашего сына, значит, я и есть его невеста.

Отец опять запряг оленей в кережи, и они с маленькой саамской девушкой выехали в стадо. Приехали. Отец закурил трубку и стал ждать. А маленькая девушка встала с кережи и пошла прямо к самой большой ели. Спросила:

– Большая ель, ты в последний раз видела моего жениха, так скажи, что с ним. На твоей коре остался его взгляд, ни ветром его не сдуть, ни снегом его не закрыть, ствол твой обвили его думы, а думы его были обо мне.

Отец саамского парня даже улыбнулся:

– Странно разговаривает девушка с елью. Ель же она ель и есть. Стоит себе и молчит.

Но отец ошибался. Маленькая саамская девушка услышала ответ, лицо ее сделалось радостным.

Возвратилась и говорит:

– Распрягайте оленей, разводите костер, варите мясо дикого оленя, будем здесь до глубокой ночи. Большая ель мне сказала, если небо будет звездным, то увидишь жениха.

ТАК и сделали. Наступила полночь. Все что ни есть на свете звезды вспыхнули, чтобы посмотреть на невесту саамского парня. А Северное сияние раздуло большой разноцветный костер, который осветил сидящего на звездной шкуре сына. Когда над горами взошел месяц, девушка

дотянулась до него рукой и взяла за нижний рожок. И олени, что паслись на небе, нашли тропу, которая привела их к широкому звездному зимнику. По нему они спустились прямо на высокую гору Тевлик, сбегали по склону к костру, у которого сидели отец и невеста.

Данилка вздрогнул. Его верный Чап ткнулся холодным носом в пальцы. Молодой пастух присел на валежину, не хотелось уходить отсюда. Здесь явились ему прекрасные образы. Достал карандаш, блокнот. Одна за другой на листки ложились поэтические строки. Данилка задумывался, шевелил губами, записывал, вычеркивал и снова выводил слова:

Увезут олени наши нарты
Без тропы, по солнечным лучам.
Хрупкий и морозный воздух марта
Инеем осядет по плечам
Средь снегов найти сумеем розы,
Чтоб своим любимым подарить.
как друзей, приветствовать морозы,
За совет пургу благодарить.
Ветер марта резок и неласков,
До весны полярной далеко.
Увезут олени нас за сказкой
В одинокий домик над рекой.

ПРАЗДНИК Севера в Мурманске шел второй день. Данилка знал наизусть спортивную программу и с особым нетерпением ждал выступления буксировщиков. Ведь Григорий и Беляк выйдут на трассу. Как-то сложится гонка?

Включил «Спидолу», без особого внимания слушал музыку, сообщения из Кировска, Мончегорска, Оленегорска, Кандалакши. Но вот комментатор объявил:

«В Долине Уюта буксировщики за оленем выходят на старт». Сердце екнуло, спокойствие ушло. Он долго не мог пристроить «Спидолу». Казалось, плохо будет слышно, что-нибудь важное пропустит.

Первый заезд. Второй заезд. Голос комментатора смешивался с возбужденными криками болельщиков. Данилка радостно слушал:

– Чемпионом Праздника Севера в буксировке за оленем стал пастух из колхоза «Тундра» Григорий Фефелов!

Старый дядя Захар, до этого безучастно куривший прожженную с годами трубку, заулыбался. Подошел к Данилке, положил морщинистую, но еще крепкую, руку на плечо и почти шепотом произнес:

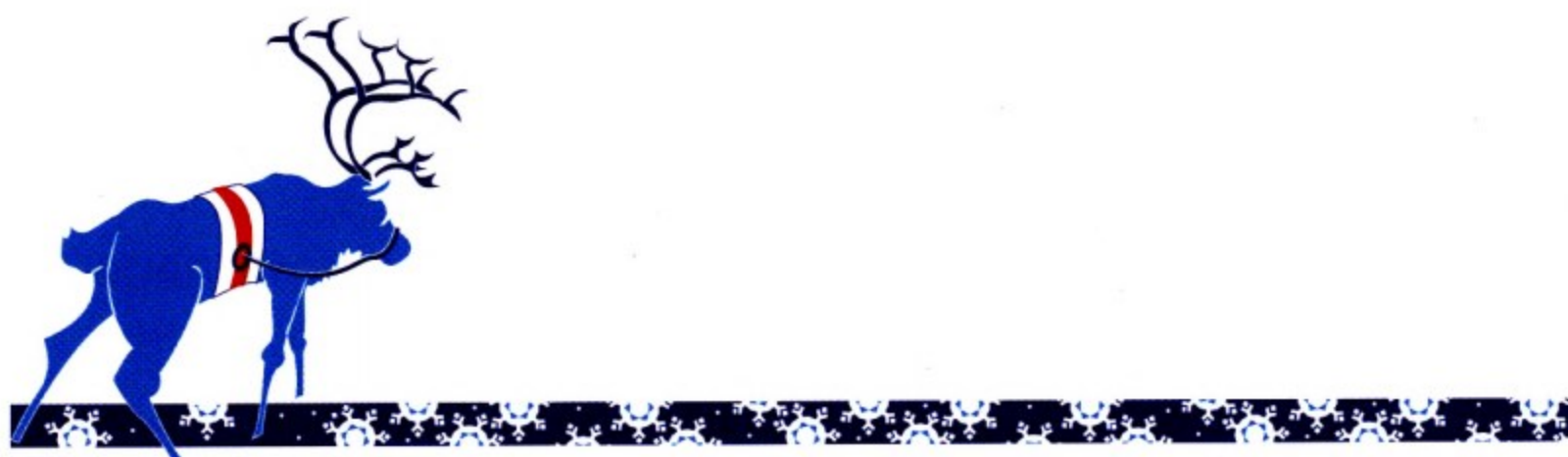
– А Гриша наш молодец, настоящий саамский парень! Ты не огорчайся, победишь еще на своем Белом олене.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Данилка	3
2. Братья	8
3. Зов тундры	14
4. Отцовские думы	19
5. Очарованный тундрой	25
6. Солдат, оленевод, советчик	29
7. Легенда северного леса	33

Аскольд Бажанов
БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Компьютерная верстка и дизайн Кривоноговой С. В.
Корректор Л. Л. Шевцова

Подписано в печать 06.12.2007 г. Формат 60x84/16. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,4. Заказ 4948. Тираж 500 экз.

Открытое акционерное общество
«Мурманское издательско-полиграфическое предприятие «Север»
183624, г. Мурманск, ул. К. Маркса, 18

